

***ГЕНЕРАЛОВА Елена Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, заведующая межкафедральным словарным кабинетом имени профессора Б.А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета. Автор 70 научных публикаций, в т. ч. одной монографии (в соавт.), трех учебных пособий**

О СПЕЦИФИКЕ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII веков

В статье с привлечением данных «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», представляющих литературно-письменный язык Московской Руси на народно-разговорной основе, обобщаются выводы об особенностях синонимии в русском языке XVI–XVII веков и на конкретном материале обозначений ложного обвинения в языке Московской Руси изучается семантическая основа синонимических отношений. Для лексико-семантической системы языка этого периода характерны: 1) более широкий, чем в современном русском языке, характер синонимических отношений, 2) осложненность синонимии словообразовательной и морфологической вариативностью, 3) частые отношения семантической дублетности, 4) тесная связь синонимии с жанрово-стилистической стратификацией лексики и изменением стилистической окраски отдельных лексем, 5) диффузность семантики лексем как частая основа синонимических отношений. Семантическая база принципа сближения лексем в языке Московской Руси рассматривается на материале лексико-семантического поля «клевета» в русском языке XVI–XVII веков. Подробное изучение значения различных основ (-ябед-, затей-, клеп-, клевет-, оговор-, извет-, вор-, напрас-, лож-) демонстрирует, с одной стороны, наличие особой семантики каждой из них, а с другой, известную синонимичность и взаимозаменяемость лексем разных гнезд в определенных контекстах. Такое синонимическое употребление лексем во многом основано на диффузной, в ряде случаев нечетко определенной семантике, варьирующейся в достаточно широком диапазоне от узко специализированного до широкого синкретичного значения. Широта и специфическая семантическая основа синонимических отношений в языке Московской Руси – показатель накопленных возможностей языковой системы на пороге перехода к новому этапу национального языка.

Ключевые слова: синонимия, синонимические отношения, русский язык XVI–XVII веков, Московская Русь, диффузная семантика, обозначения клеветы.

*Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; e-mail: elena-generalova@yandex.ru

Изучение русского языка XVI–XVII веков существенно для понимания лингвистической сущности и значимости процессов, проходящих в современном русском языке. Важность данного периода обусловлена тем, что это «начальный этап образования национально-русского языка (устного и письменного)» [1, с. 167], когда закладываются основы качественного преобразования языковой системы. Предметом настоящей статьи является рассмотрение лексико-семантических характеристик складывающейся системы, а именно: особенностей важнейшего типа парадигматических отношений, характеризующих эту систему, – синонимии. Материалом исследования послужили данные «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» и его картотеки, представляющие литературно-письменный язык Московской Руси на народно-разговорной основе¹.

Безусловно, само понятие синонимии дискуссионно и для современной лексикологии, еще более неоднозначно это понятие в диахронии. Не анализируя в данном случае различные концепции, согласимся с Д.Н. Шмелевым, что имеет место в первую очередь разное применение термина, а не разное понимание синонимии, «на самом же деле в языке существуют различные (и разнообразные) типы семантических сближений, которые и отражаются по-разному в разных определениях синонимов» [2, с. 194].

Вопрос о синонимии как диахроническом явлении и перестройке древнерусской лексической системы при переходе к новому этапу был поставлен Л.Л. Кутиной в статье «К вопросу о синонимике в языке XVII в.» [3]. Синонимические отношения в истории языка изучались на конкретном лексическом материале в разных лексических группах и памятниках [4–6]. В настоящей статье обобщаются характеристики синонимических отношений в русском языке XVI–XVII веков и на конкретном материале обозначений ложного обвинения в языке

Московской Руси изучается семантическая основа синонимических отношений. Рассматриваются общие особенности такого принципа семантического сближения в истории языка, при этом семантическое сближение понимается как контекстуальная близость или тождество значений лексем в определенных контекстах с учетом жанрово-стилистического и функционального критериев (употребительность лексем в памятниках определенной жанровой разновидности, в идеале – функционирование и взаимозаменяемость в пределах одного памятника).

Прежде всего следует отметить более широкий, чем в современном русском языке, характер синонимических отношений. Этот факт обусловлен ненормированностью языковой системы, в связи с чем практически любая лексема может иметь синонимическое соответствие, например: *другонадцатый – двенадцатый, баня – мыльня* и др. Е.М. Иссерлин выделяет «синонимичность и многозначность слов, обозначавших конкретные названия действительности» как «характерную черту литературного языка второй половины XVII в.» [7, с. 27], о синонимичности целого ряда лексем предметно-бытовой лексики в старорусском языке подробно пишет Г.В. Судаков [6, с. 185–190].

Широта синонимических отношений в этот период проявляется и в том, что в синонимические ряды включаются слова местные и общераспространенные (*метель – вьялица, вторник – второкъ*), высокочастотные и редкие (*кривой – крюковатый, зависть – завида*) и т. д. Безусловно, реконструкция синонимических пар и рядов на основе исключительно близости семантики в разных текстах анализируемого периода искусственна и не дает информации об узуальных языковых отношениях этого периода. Но существенно, что исследователи разного лексического материала старорусских текстов приходят именно к такому выводу.

Так, О.С. Мжельская в своей монографии, посвященной лексике таких важнейших

¹Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2004–2014. Вып. 1–6. Издание продолжается.

источников по изучению народно-разговорного языка Московской Руси, как иностранные разговорники по изучению русского языка, содержащие ряды синонимических соответствий, пишет, что «в синонимических парах и рядах соседствуют слова широкого распространения (общерусские и общесевернорусские) и слова территориально ограниченные в своем употреблении (<...> *морковь – боркан, дерево – щёгла – стырь* ‘мачта’), <...> слова общеизвестные и слова иноязычные, неосвоенные (<...> *бочар – бочерник – купор*) <...> слова активного словаря и слова, вступившие на путь устаревания (<...> *деньги – куны*)» [8, с. 62]. К выводу о широкой синонимичности лексических единиц разной степени употребительности и древности (см., например: *кривой – поклятый – крутой – курчеватый* ‘кривой (о носе)’) приходит Е.И. Зиновьева на материале записных кабалных книг Московского государства XVI–XVII веков [9, с. 207–211] и т. п.

Во-вторых, для языка этого периода характерна осложненность синонимии словообразовательной и морфологической вариативностью. Лексемы с разным морфемным оформлением выступают как синонимы и часто как дублиеты: *дубник – дубняг* и *дубняк – дубовик* ‘дубовый лес’, *завор* – *заворница* – *заворня* ‘часть изгороди, где жерди убираются для проезда и прохода’, *загородный* – *загородский* ‘расположенный вне городской стены, в окрестностях города’, *дегтяной* – *дегтевой* – *дегтярный* ‘относящийся к производству и продаже дегтя’, *непрестанно* – *беспрестанно*. В меньшей степени синонимия осложнена морфологической вариативностью: см., например: *заворошень* – *заворошня* ‘беспорядок, смута’: *А в Дитмарской земль заворошен от мужиков*² (1627)

и *А толко оянт заворошня учинитца откуды и мужиком и всяким людем перемет з голоду и друг друга погубит*³ (1628).

Многие синонимы в этот период, особенно однокоренные, не обнаруживают ни идеографической, ни смысловой дифференциации, т. е. выступают как дублиеты. О.Г. Порохова подчеркивает, что письменный язык XVII века имел очень большое количество синонимов-дублиетов [4, с. 65], и это характерная особенность синонимии в период средневековья. В XVII веке языковая система как бы на пике своего экстенсивного развития и предлагает максимум возможностей для выбора при переходе на следующий, качественно иной уровень.

В-четвертых, важной особенностью синонимических отношений в этот период является их зависимость от жанрово-стилистической обусловленности лексики и изменения стилистической окраски отдельных лексем [6, с. 154–190; 7, с. 13]. Эта черта в полной мере отражена и в материалах⁴. Например, в значении ‘большая тяжелая палка, используемая чаще всего как оружие’ в памятниках, созданных на народно-разговорной основе, используются лексемы *дубина* (и *дубинка*), *древина*, *дрюк*, *батог*, а в книжных контекстах – чаще лексема *жезл*: ср. *Бей его батогом!* (Аноним. разг., 1568 год)⁵ и *Казни сына своего отъ юности его <...> аще бо жезломъ бьеши его, не умретъ, но здравие будетъ*⁶ (XVI век). При этом в языке в это время активно идет процесс изменения стилистической окраски лексем, включения в синонимический ряд слов из памятников разной жанровой принадлежности (*жатва* – *жнитва*, *житие* – *живот* – *жизнь*) и сложения нового качества литературного языка.

Наконец, принципиальной особенностью синонимических отношений этого периода является

²Вести-Куранты 1600–1639 гг. / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М., 1972.

³Там же.

⁴Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. ...

⁵«Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien, 1994.

⁶Домострой / изд. подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб., 1994.

их органическая связь с диффузной, нечетко дифференцированной семантикой лексем и в целом основ, корней, и в этом смысле описываемые синонимы не тождественны их современному пониманию. Рассмотрим этот тезис подробнее на примере юридической лексики (а именно: лексики с семантикой ложного обвинения), т. е. пласта, в идеальном языковом состоянии стремящегося к однозначности и отсутствию синонимии.

Лексика, связанная с обозначением частого в практике Московской Руси действия ложного обвинения, может быть представлена как лексико-семантическое поле клеветы. Если взять за основу ономаσιологический критерий, то центральную часть этого поля составят обозначения действий по выдвигению ложных обвинений и обозначения преступления клеветы. В языке XVI–XVII веков выделяется значительное количество названий действий по выдвигению ложного обвинения: это ряд синонимических глаголов (*затеять/затевать, затевать, клепать/поклепать, ябедничать, клеветать, оговорить/оговаривать, врать, оболгать, воровать*) и устойчивых сочетаний (*затеять ложно (напрасно), затевать затейные дела (затейки), наряд наряжать, говорить нарядом*), большинство из которых имеет управление «на кого». Немало фиксируется в языке и обозначений самого преступления ложного обвинения: *ябедничество, поклеп, клевета, оговор, наряд, извет, (затейное) воровство, поклепное (затейное) дело, затейки, (затейные) враки*.

В периферийной области лексико-семантического поля ложного обвинения в старорусском языке выделяются обозначения документов и доносов, т. е. конкретных материалов дел, связанных с клеветой (*затейное (поклепное) челобитье, (затейный) извет, нарядные письма* и др.); усиленные характеристики действий наговора или указания на клевету как образ действия (*затейно, напрасно, ложно, воровски, нарядно, нарядом, затевая воровством, своей затейкой, воровским*

заводом и др.), указания на признак отношения к этому преступлению, связи с ним (*ябеднический, затейный, поклепный, нарядный, ложный, воровской*), обозначения человека, выдвигающего ложное обвинение (*ябедник, оговорщик, клеветник, шепотник, наветник, нарядчик, клепач*).

В самом общем смысле лексемы отдельных сегментов обнаруживают семантическую близость. Подробное изучение различных гнезд демонстрирует, с одной стороны, наличие особой семантики каждого из них, а с другой, их известную синонимичность и взаимозаменяемость в определенных контекстах.

Семантическое своеобразие лексем проявляется, во-первых, в большей или меньшей специализированности собственно юридического значения, во-вторых, в наличии дополнительных смыслов, которые могли выражаться разными основами, в-третьих, в намечающейся в ряде случаев функциональной и стилистической дифференциации.

С точки зрения функционирования анализируемых лексем в языке в узком значении, вплоть до использования их как юридических терминов в сочетании с критерием частотности, ядро лингвистического выражения понятия клеветы в языке этого периода составляют лексемы с основами *затей-*, *-ябед-*, *-клеп-*, несколько более широким значением обладали лексемы гнезд *оговор-*, *извет-*, *наряд-*, *клевет-*, еще более общими по значению были основы *-вор-*, *-лож-*, *напрас-*.

Лексемы гнезда *-ябед-* с *д* и *т* в основе известны уже в древнерусский период (есть в Синодальном списке Новгородской летописи под 1218 годом, в берестяных грамотах), при этом основное значение слова *ябедник* в древнерусском языке – ‘судебное должностное лицо, судья’⁷ (так что А.Г. Преображенский, М. Фасмер именно в связи с семантикой ‘должностное лицо’ предлагают древнескандинавскую этимологию происхождения этой основы⁸).

⁷Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1912. Т. 3. С. 1631.

⁸Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева: в 4 т. 4-е изд., стер. М., 2004. Т. 4. С. 538–539.

Позже образования гнезда *-ябед-* приобретают семантику, связанную с клеветой, и это источник уничижительной семантики слов *ябеда* и *ябедничать/наябедничать* в современном русском языке. В языке XVI века дериваты с этой основой не очень частотны, однако фиксируются в Судебниках 1497, 1550 и 1589 года уже в достаточно определенном значении: *А на кого доведут разбой и душегубство, и ябедничество, и подписку ручную кабалную, или иное лихое какое дело, а будет ведомой лихой человек, и боярину того велети казнити смертною казньою, а исцево велети заплатити из его статка*⁹. В текстах Судебников *ябеда*, *ябедничество* – это именно действие ложного обвинения, причем не просто клеветы, а злостной клеветы, совершенной в корыстных целях (с целью завладеть имуществом оклеветанного человека), такая клевета классифицируется как *лихое дело* – наряду с другими тяжкими преступлениями – и сурово карается. Историки права объясняют появившееся в самом конце XV–XVI веков такое суровое наказание за ложный донос возникновением очень большого потока челобитных в связи со становлением Московского централизованного государства, расцветом делопроизводства, оформлением приказов, деловой канцелярии. Государство как законодатель таким образом пыталось установить ответственность за действия и несколько ограничить этот нескончаемый поток жалоб¹⁰.

Однако в Уложении 1649 года лексемы с основой *-ябед-* имеют не терминологическую, а общую семантику обозначения лжи, клеветы: *И того ради подобает отцем духовным детей своих духовных поучати <...> чтобы промежю себя <...> жили любовно, не крали <...>*

*не ябедничали, и на лжи не послушествовали*¹¹. Обозначая важное в криминальной повседневности людей явление, в XVII веке слова гнезда *-ябед-* функционируют не только в официально-деловых документах, но в памятниках разной функциональной разновидности, превращаясь из идеографических и стилистических синонимов других лексем с семантикой ложного обвинения в нейтральные (*затейный* – *поклепный* – *ябедничий*, *поклеп* – *затея* – *ябедничество* и т. п.).

Лексемы с основами *-клеп-* и *затей-* использовались в первую очередь в качестве юридических терминов. Частотно почти дублетное использование прилагательных *поклепный* и *затейный* ‘основанный на ложном доносе, ложном обвинении’ в сочетании с существительными *дело*, *иск*, *челобитье*: *И по твоему гсдрву указу и в том поклепном иску отказано*¹² (1649), *Чтоб великий государь пожаловал не велел ево (Сенки) воровскому и ложному поклепному челобитю поверит*¹³ (1677), *За такое затейное ложное челобитье пристава и понятых бити кнутом*¹⁴. Но полного смыслового тождества основ никогда не существовало; так, слова гнезда *затей-*, кроме клеветы, обозначали и подстрекательство к смуте, неповиновению (*затейная смута*, *воровские затейные прелести*, *воровские затейные письма*), в связи с чем активно использовались в текстах правительственной канцелярии, связанных с восстанием С. Разина.

Основы *оговор-* и *извет-* имели более широкую семантику ‘выдвигать обвинение’, ‘сообщать, доводить до сведения, доносить’, которая в некоторых контекстах могла сужаться до значения ‘выдвигать ложное обвинение, клеветать’,

⁹Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г. // Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4.

¹⁰Судебник 1550 г. Историко-правовой обзор // Памятники русского права / под ред. Л.В. Черепниной. М., 1956. Вып. 4. С. 266.

¹¹Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. М., 1959. Вып. 6.

¹²Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подгот. С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М., 1968.

¹³Там же.

¹⁴Соборное уложение царя Алексея Михайловича...

см.: семантическая и функциональная близость отглагольных существительных *оговор - извѣт*: *А сидѣль, государь, я по священникову оговору, четыре недѣли с лишком*¹⁵ (XVII век), *Да он же гсдрь стряпчеи [Стефан] бутто по извѣту работника бил челом в приказе на Тимофея Тимофеева бутто в караже осми касяках на Юнге в соли* (Гр. № 339)¹⁶. В официально-деловых памятниках, однако, глагол *оговорить* все равно обязательно сопровождается уточняющими обстоятельствами *безвинно, не по вине*, т. е. значение ‘оклеветать’ у этого глагола не формируется как узусальное. Лексемы с основой *наговор-*, имеющие семантику ‘ложное обвинение’ в современном русском языке, в старорусский период с этой семантикой не использовались. Глагол *наговаривать* известен со значениями ‘уговаривать, убеждать, словом, склонять к чему-л.’, а также со значением ‘произносить слова заговора, совершая магические, колдовские обряды’ (*наговаривать на соль, на воду, на мыло*), соответственно, *наговор* – ‘совет, словесные доводы’, а также ‘обряд заговора’.

Слова с основой *навет-* использовались с семантикой ‘козни, наущение’ в памятниках книжного языка, т. е. имели определенную жанровую обусловленность. В памятниках XVII века, однако, лексема *наветник* ‘клеветник’ фиксируется и в памятнике на основе народно-разговорного языка: *Ложное дела нанесли на меня проклятые мною дети и наветники мои Петрушка да Ивашка*¹⁷, т. е. можно наблюдать разрушение жесткой жанровой прикрепленности.

Слово *клевета*, пришедшее в русский язык, очевидно, из старославянского (хотя, вообще говоря, это слово неясной этимологии), имело

значение ‘ложное обвинение’, но обычно использовалось с общим, неспециализированно юридическим значением: *Зла за зло не воздавай, ни клеветы за клевету*¹⁸ (XVI век). Глагол *клеветать* в большинстве контекстов означает ‘оговаривать’: *Она же нача мужу своему на юношу онаго клеветати и нелепая словеса глаголати и повелеваше изгнати его из дому своего*¹⁹, семантики ‘выдвигать ложное обвинение при обращении в суд’ нет. Именно в таком значении глагол встречается в Посланиях Ивана Грозного, Андрея Курбского, Временнике Ивана Тимофеева, Сказании Авраамия Палицына, т. е. в памятниках неделовой разновидности, и нет оснований говорить о специализированном юридическом значении.

Очень типично для языка XVI–XVII веков, что частное значение ‘ложное обвинение, клевет’ могло выражаться и синкретичным по значению корнем *-вор-*, имевшим в старорусский период, с одной стороны, самую общую семантику ‘преступление, незаконное деяние вообще’, даже больше – ‘любое отступление от норм и права, и морали в целом’, а с другой стороны, обозначавшим и самые разные конкретные виды преступлений, в т. ч. и клевету [см. подробнее: 10].

Лексемы *ложный* и *ложно* обладали в памятниках делового и народно-разговорного языка высокой частотностью, разнообразной сочетаемостью (например, *ложные земли*) и за счет этого широкой, но часто трудно дифференцируемой семантикой в смысле разграничения обозначения неправды и значения ‘клеветнический, содержащий ложное обвинение’: *А по его ложному челобитью то дяди ево помгъсье от-*

¹⁵Борисов В. Акты о быте помещиков и крестьян // Чтения ОИДР. Кн. 2. Разд. А. Крестьянские челобитные. М., 1859.

¹⁶Грамотки XVII – начала XVIII в. / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова; под ред. С.И. Коткова. М., 1969.

¹⁷Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия / изд. подгот. С.И. Котков, Н.И. Тарабасова, М., 1965.

¹⁸Домострой...

¹⁹Повесть о Савве Грудцыне // Русская повесть XVII века / подгот. текстов В.П. Адриановой-Перетц, сост. М.О. Скрипиль. М., 1954.

дано ему Семену безъ сыску невѣдомо за что²⁰ (1667). Также с семантикой 'несправедливое обвинение' в контекстах, описывающих ситуацию клеветы, частотны лексемы *напрасный*, *напрасно*: *От поклепного и напрасного иску их освободил*²¹ (1649). Такое обозначение действий ложного обвинения основами с семантикой неправды и преступления в самом общем смысле – свидетельство тесной связи морали и права: клевета осознана и как порицаемое моральное действие – ложь, и как преступное деяние (неслучайно ее обозначение основой *-вор-*). При использовании высокочастотных полисемантических слов *воровской*, *ложный*, *напрасный* иногда сложно говорить, актуализируется в таких контекстах в большей степени семантика обозначения лжи, клеветы или общая ярко выраженная отрицательная оценка этого действия.

С другой стороны, говоря о специфической семантике разных основ, входящих в лексико-семантическое поле клеветы в языке XVI–XVII веков, нельзя не отметить частую совместную встречаемость лексем этих гнезд в текстах и определенную близость их семантики: *Чтобь впредь инымъ не повадно было воровать ложныхъ словъ затъвывать*²² (1626), *Взводя на насъ напрасное воровство, а себѣ тотъ затъймоу извѣтъ ставитъ впредь въ поправку*²³ (1655), *Не поверь, г(осударь), тому Завьялову ложному челобитью и напрасному оглашенью*²⁴ (1650).

Такая совместная встречаемость лексем разных основ, обозначающих ложное обвинение, имеет место не только в памятниках, созданных на народно-разговорной основе, но в первую очередь в деловых источниках,

т. е. имеет место своеобразная тавтологичность и плеоназм деловых памятников.

Отмечаются на первый взгляд несовместимые с деловым предназначением текстов, однако на самом деле очень органичные для языка XVI–XVII веков экспрессия и избыточность контекстов обозначения ложного обвинения. Например, прилагательные со значением 'содержащий клевету' не могут быть названы синонимами в современном понимании этого термина, но используются для выдвижения на первый план общей семы именно ложности обвинения и нагнетания эмоциональности, создания экспрессии: *Чтоб я холоп твои от ево Ондръева наноснова напрасног слова ложнова в позоре вконец не погибь*²⁵ (1671), *Не вели, гсдрь, ихъ затеиному напрасному ложному поклепному челобитю повѣрит*²⁶ (1698). Следует говорить о диффузной, как бы «разлитой» и в ряде случаев недифференцированной семантике таких прилагательных, варьирующейся в достаточно широком диапазоне от узко специализированного до широкого синкретичного значения, в связи с чем становится возможным их использование в аналогичных контекстах, т. е. фактически как синонимов.

Дальнейшая судьба лексем, составлявших поле «клевета», в русском языке XVI–XVII веков различна: например, в ряду синонимических прилагательных со значением 'связанный с ложным обвинением' одни лексемы (*поклепный*) устаревают и выходят из употребления, другие перестают обозначать это преступление и меняют семантику достаточно кардинально (так, прилагательное *затейный* из относительного с семантикой 'связанный с ложным обвинением'

²⁰Шумаков С. Официальные акты (1628–1701 гг.) // Чтения ОИДР. М., 1908. Кн. 4. Отд. 1.

²¹Московская деловая и бытовая письменность XVII в. ...

²²Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1. // Зап. Моск. археол. ин-та. М., 1911. Т. 14.

²³Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. СПб., 1851. Т. IV.

²⁴Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / под общ. ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1940. Ч. I.

²⁵Московская деловая и бытовая письменность XVII в. ...

²⁶Там же.

становится качественным с семантикой ‘хитроумный’), третьи (*клеветнический*), напротив, закрепляются как юридические термины, но не обязательно как обозначение ложного обвинения (*воровской*), четвертые сохраняют неспециальное значение (*ложный*) и т. п. В целом такая ситуация соответствует магистральному пути развития лексики литературного языка, и в частности синонимических пар и рядов, состоявшему в семантической дифференциации лексем и их перегруппировке, перераспределении.

Таким образом, изучение отношений семантической близости лексики на материале языка Московской Руси XVI–XVII веков позволяет утверждать, что для языка этого периода характерны: более широкий, чем в современном

русском языке, характер синонимических отношений, осложненность синонимии словообразовательной и морфологической вариативностью, частая дублетность, тесная связь синонимии с жанрово-стилистической обусловленностью лексики и изменением стилистической окраски отдельных лексем. Принципиально, что существовавшие синонимические отношения во многом базировались на диффузной семантике лексем в языке этого периода. Нельзя не согласиться с О.Г. Пороховой, что именно «при рассмотрении синонимии этого переходного периода в развитии русского языка становится особенно очевидным, каким богатым выбором различных лексических средств располагал русский язык в период формирования национального языка» [4, с. 78].

Список литературы

1. Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М., 1977. С. 163–175.
2. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Изд. 4-е. М., 2006. 336 с.
3. Кутина Л.Л. К вопросу о синонимике в языке XVII в. // Уч. зап. ЛГУ. Сер.: Филол. науки. 1958. Вып. 42. № 243. С. 104–134.
4. Порохова О.Г. Некоторые вопросы синонимии русского языка XVII в. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 59–79.
5. Волков С.С. Стилиевые средства деловой письменности XVII века: На материале челобитных. СПб., 2006. 342 с.
6. Судаков Г.В. История русского слова. Вологда, 2010. 336 с.
7. Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка XVII века. Материалы к курсу «История русского литературного языка». М., 1961. 80 с.
8. Мжельская О.С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (на материале иностранных руководств для изучения русского языка). СПб., 2003. 220 с.
9. Зиновьева Е.И. Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков. Структура. Лексика. Фразеология. СПб., 2000. 240 с.
10. Генералова Е.В., Щекин А.С. По следам *вора* // Русская историческая лексикология и лексикография / под ред. О.А. Черепановой. СПб., 2008. Вып. 7. С. 187–193.

References

1. Larin B.A. Razgovornyy yazyk Moskovskoy Rusi [Spoken Language of Muscovite Russia]. Larin B.A. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie (Izbrannyye raboty)* [The History of the Russian Language and General Linguistics (Selected Works)]. Moscow, 1977, pp. 163–175.
2. Shmelev D.N. *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika* [The Modern Russian Language. Vocabulary]. 4th ed. Moscow, 2006. 336 p.
3. Kutina L.L. K voprosu o sinonimike v yazyke XVII v. [On Synonyms in the Language of the 17th Century]. *Uchenye zapiski LGU. Ser.: Filologicheskie nauki*, 1958, iss. 42, no. 243, pp. 104–134.

4. Porokhova O.G. Nekotorye voprosy sinonimii russkogo yazyka XVII v. [Some Aspects of Synonyms in the Russian Language of the 17th Century]. *Issledovaniya po istoricheskoy leksikologii drevnerusskogo yazyka* [Research into the Historical Lexicology of the Early Medieval Russian Language]. Moscow, 1964, pp. 59–79.

5. Volkov S.S. *Stilevye sredstva delovoy pis'mennosti XVII veka: Na materiale chelobitnykh* [Stylistic Means of 17th-Century Business Writing: On the Material of Petitions]. St. Petersburg, 2006. 342 p.

6. Sudakov G.V. *Istoriya russkogo slova* [The History of the Russian Word]. Vologda, 2010. 336 p.

7. Isserlin E.M. *Leksika russkogo literaturnogo yazyka XVII veka. Materialy k kursu "Istoriya russkogo literaturnogo yazyka"* [Vocabulary of the Russian Literary Language of the 17th Century. Materials for the Course "History of Russian Literary Language"]. Moscow, 1961. 80 p.

8. Mzhel'skaya O.S. *Leksika obikhodno-razgovornogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv. (na materiale inostrannykh rukovodstv dlya izucheniya russkogo yazyka)* [Vocabulary of Everyday Spoken Language of Muscovite Russia in the 16th and 17th Centuries (Based on Foreign Guides for the Study of the Russian Language)]. St. Petersburg, 2003. 220 p.

9. Zinov'eva E.I. *Zapisnye kabal'nye knigi Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vekov. Struktura. Leksika. Frazeologiya* [Debt Books of Muscovite Russia of the 16th and 17th Centuries. Structure. Vocabulary. Phraseology]. St. Petersburg, 2000. 240 p.

10. Generalova E.V., Shchekin A.S. Po sledam vora [Following a Thief's Track]. *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Russian Historical Lexicology and Lexicography]. Ed. by O.A. Cherepanova. St. Petersburg, 2008, iss. 7, pp. 187–193.

doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.98

Elena V. Generalova

Faculty of Philology, Saint Petersburg State University
11 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
e-mail: elena-generalova@yandex.ru

ON SYNONYMIC RELATIONS IN THE LANGUAGE OF MUSCOVITE RUSSIA OF THE 16th AND 17th CENTURIES

Involving data from the *Dictionary of Everyday Russian Language of Muscovite Russia in the 16th and 17th Centuries*, which presents the written language of Muscovite Russia at a conversational basis, this article summarizes conclusions about synonymy in the Russian language of the 16th and 17th centuries. The semantic basis of synonymic relations is studied here on the denotations of false accusations in the language of Muscovite Russia. The lexico-semantic system of the language of this period is characterized by: 1) wider synonymic relations than in the modern Russian language, 2) derivational and morphological variability of synonyms, 3) frequent relations of semantic identity, 4) close relationship of synonymy with the genre and stylistic stratification of vocabulary and stylistic changes, 5) diffuse semantics of words as a frequent basis of synonymic relations. The semantic basis of word convergence in the language of Muscovite Russia is described here using the material of the lexico-semantic field of *клевета* (libel) in the Russian language of the 16th and 17th centuries. A detailed study of the meaning of different roots (-ябед-, затей-, клеп-, клевет-, оговор-, извет-, вор-, напрас-, лож-) demonstrates, on the one hand, the existence of special semantics in each of them and on the other, a certain synonymy and interchangeability of different words in some contexts. Such synonymic word use is in many respects due to the diffuse and, in some cases, unclear semantics, ranging from a highly specialized to a wide syncretic meaning. The width and specific semantic basis of synonymic relations in the language of Muscovite Russia indicates accumulated resources of the language system at the point of transition to a new stage of the national language.

Keywords: *synonymy, synonymic relations, Russian language of the 16th and 17th centuries, Muscovite Russia, diffuse semantics, denotations of libel.*

Поступила: 14.05.2015